

Й. Конен

Россия глазами Гиппеля

Теодор Готлиб фон Гиппель (1741 – 1796), обербургомистр Кенигсберга, создатель трактата «О браке» (1774), романов «Жизненные пути по восходящей линии» (1778 – 1781) и «Крестовый и поперечный походы рыцаря А до пункта Я» (1793), юрист по образованию и один из виднейших кенигсбергских масонов, всю свою жизнь занимал по отношению к феномену, называемому Россией, позитивную позицию. Его автобиография, изданная им уже в зрелом возрасте, подтверждает, что, оглядываясь назад, он хотел развеять все свои последние сомнения касательно этого. Таким образом, чиновник из высших слоев общества времен короля Фридриха включается в незначительное число тех представителей восточнопрусской духовной элиты, которые по этническим, родственным, культурным или служебным мотивам ощущали свою привязанность к огромной империи на Востоке.

Гиппель унаследовал поразительное чувство симпатии к русскому народу от своих предков. Так как именно царь Петр I во время одного из своих длительных путешествий по Европе – как повествует не без гордости и умиления автобиограф – останавливался в доме пастора, деда Гиппеля, и там же «по-королевски отобедал», причем получил такое удовольствие от чистосердечия Мельхиора, младшего из сыновей и, в будущем, отца Теодора Готлиба, что предложил взять его с собой. Дед благословил эту «вербовку к императору» и «рвение своего сына», и, возможно, только благодаря бабушке их внук «был рожден в Пруссии». Она спрятала своего отпрыска в бочке на чердаке. Наш повествователь признается, что эта приключенческая история, которую часто рассказывал ему отец, глубоко засела в его памяти, подпитывая его восхищение Петром и, в конце концов, послужила «главной предо-пределяющей причиной» его поездки в Санкт-Петербург. Возвращаясь к своим воспоминаниям, Гиппель называет русского царя «благородным дикарем». Это обозначение подтверждает, что Гиппель довольно верно понял сложную для западных умов и сердец проблематику структуры русского народа и его своеобразного царства, которое менее чем за 100 лет «благодаря каждодневному труду с одинаковым усердием и всесилием поднялось от жестокого государства, в котором царил хаос, к свету».

В дальнейшем естественная симпатия Гиппеля по отношению к Российской империи и русскому народу развивалась последовательно по самому своему существу. 27 июля 1756 г. он был зачислен в университет «Альбертина» в Кенигсберге. 30 августа 1757 г. русские выиграли решающую битву против прусских войск при Гросс-Егерсдорфе и прошли контрмаршем через столицу восточнопрусской провинции, из которой были выведены войска, капитулировавшие 21 января 1758 года.

И хотя, несмотря на все усилия ответственных лиц, во время четырехлетней оккупации русские войска, как и все оккупанты, иногда предавались неприятным порокам и устраивали мероприятия, которые не могли хоть отчасти не коснуться юного студента, но ни в его поздней переписке с Шеффнером или его автобиографии, ни в его литературных творениях нет и следа от негативных впечатлений того времени. Из этого можно сделать вывод, что его расположение по отношению к русскому народу укоренилось в нем действительно глубоко. Да, оглядываясь назад на тот период, уже в более позднем возрасте он защищает русских от несправедливых наговоров своих соотечественников¹.

Фактически во время оккупации в Семилетнюю войну население Кенигсберга разделилось на два лагеря. Реже встречались те, кто, подобно советнику юстиции Войту, придворному проповеднику Квандту или городскому казначею фон Донхардту, под страхом смерти продолжали поддерживать связь с Гогенцоллернами или, как Иоганн Георг Шеффнер, Давид Нойманн и Антон Вильгельм Лесток, присоединились к армии Фридриха и праздновали победу, как герои войны. Большая часть населения застыла в пассивном ожидании, с осторожным оптимизмом уповая на свое благополучие, довольствуясь незначительными преимуществами, которые им благо разумно оказывал русский губернатор немецкого происхождения фон Корфф. Его офицеры на свой лад пытались завоевать популярность у представителей дворянства и верхушки буржуазии, особенно у профессоров и студентов университета, устраивая пышные общественные мероприятия. Среди прочих славились приемы в салонах знатной семьи фон Кейзерлинг², которая была связана родственными узами с русским дворянством. И никто – по меньшей мере в лицо – не ставил им в вину радушие к русским, даже по окончании войны³. Не жаловались также купцы и торговые дома. У И.Г. Хаманна, который в то время без особых преград совершал длительные путешествия по Балтике, складывалось впечатление, что он постоянно находится в России, и он точно так же не жаловался на это. Юный музыкальный гений Иоганн Фридрих Рейхард выступал со своим отцом перед русскими дворянами в мундирах.

Профессора Альбертины Бок и Уотсон превзошли самих себя, сочинив хвалебные гимны в честь царицы Елизаветы. Гердер впоследствии написал свое первое изданное стихотворение в хвалебных тонах на вступление на престол Петра III; сам же Гиппель познакомился в доме Войта, у которого он

снял комнату, с русским лейтенантом Хендриком фон Кейзером, племянником супруги советника юстиции. Сдружившись с ним, он зимой 1760/61 гг. взял его в свое судьбоносное путешествие в Санкт-Петербург. Это предприятие стало наиболее значимым и, можно сказать, единственным по-настоящему крупным путешествием в жизни Гиппеля. Оно стало решающим для всего его будущего существования. В профессиональном и мировоззренческом плане оно стало его «душевным миссионерством». Оно уточнило его внутреннее отношение к феномену *Россия* и все вместе взятое усилило⁴. Со смешанным чувством стеснения и неопределенности, любопытства и ожидания отправился он в резиденцию царей; с чувством удовлетворения и познания вернулся назад. Естественное добродушие и вошедшее в поговорку гостеприимство русских людей, их врожденные способности к определенным видам искусства, таким как музыка, танец, пение и сказительство, возможность получения более разностороннего академического образования, ослепляющее, многообещающее появление Великой княгини Екатерины, которое уже отбросило свою колоссальную тень, и, не в последнюю очередь, неуверенность в своем профессиональном будущем в Пруссии окончательно склонили симпатии Гиппеля в тот период в пользу России⁵. Императорская резиденция как политическая и культурная точка пересечения двух миров, Европы и Азии, показалась ему символом космополитичной готовности к пониманию и, таким образом, определяющим центром будущего преобразования мира.

Русский язык Гиппель, правда, выучить не смог, в русской литературе он тоже почти не разобрался, что доказывают его переводы. И только патриотическая преданность своей родине склонила его в тот период к возвращению, не без сожаления, в прусскую неизвестность.

Были и другие сопутствующие обстоятельства. Прежде всего влияние некоторых хорошо известных ему соотечественников, таких как И. Хр. Грот и Кр.Г. Арндт. Первый был тогда воспитателем в доме генерала фон Корфа, вскоре перебрался в дом гофмаршала фон Дукера в качестве «домашнего учителя», а позднее стал проповедником в церкви св. Екатерины на Васильевском острове и умер 2 января 1800 г. в Санкт-Петербурге как «старейшина протестантского духовенства». Гиппель много лет поддерживал с ним частную переписку, которая затем прервалась, но возобновилась в более позднем возрасте. Второй, Кристиан Готлиб Арндт, родившийся, как и Гиппель, в Гердауне, поднялся до вершин славы, находясь на службе у Екатерины II в качестве надворного и коллежского советника, получил Владимирский орден и был возведен в русское дворянство и после своей почетной отставки умер в возрасте 88 лет в Гейдельберге 2 января 1829 г. Зимой 1792/93 гг. он посетил Гиппеля в Кенигсберге и гостил у него несколько месяцев. А друг Гиппеля Гаманн, его соратник по поиску истины, получил на своей скромной родине почти все, ради чего образованные путешественники ездили в Западную Европу, исколесив Северную.

Не менее важную роль, пожалуй, сыграли для Гиппеля масонские узы. Орден, как никакое другое идейное движение, олицетворял для дворянства и верхов буржуазии космополитические идеи эпохи Просвещения. После роспуска местной ложи в начале войны образовалась шотландская ложа Андреаса в 1758 г., которая в 1760 г., с подачи русских офицеров и с согласия оккупантов⁶, в качестве ложи Иоганнеса «К трем коронам» получила свои законы от Великой Национальной Главной ложи в Берлине «К трем земным шарам», причем символ на вымпеле ложи характерным образом указывал на идею братства трех важнейших монархий в Восточной Европе (России, Польши и Пруссии). Многие масоны с этого момента начали рассматривать все восточное пространство в качестве строительного барака.

Впоследствии к ложе в Кенигсберге принадлежали известнейшие коммерсанты, чиновники и профессора (кроме Канта, Гаманна и Грина): Войт, Кантер, Хинц, Хойер, Гешен, Якоби, Функ, Бук, Линдер, Шеффнер, Руффман, Туссен, Швинк, Лео, Лаваль, Коллинз, Мазерби, наравне с ними дворяне фон Шрёдерс, Финк фон Финкенштейн, фон Кальнейн, фон Дёнгофф, фон Кейзерлинг, фон Шрёттер, фон Ауэрвальд. Среди русских офицеров-дворян следует упомянуть губернатора Василия Суворова, а также его сына Александра, впоследствии маршала; Григория Орлова, также впоследствии ставшего генералом и более известного как возлюбленный Екатерины II⁷, который вместе со своим братом Алексеем руководил свержением Петра III и помог ей взойти на престол⁸.

С того времени Кенигсбергская ложа десятилетиями функционировала по принципу *регионального поворотного круга* от стран Балтики к Европейской России и обратно.

Хендрик фон Кайзер также состоял в ложе перед своим возвращением в Россию и, вероятнее всего, посодействовал Гиппелю во вступлении в орден. В любом случае основанием для приема в масоны Гиппеля в январе 1762 г. стала опять-таки Россия, когда, как он сам сообщает, о нем начали хлопотать, т. к. «ложа собиралась написать стихотворение по поводу вступления на престол Петра III и не хотела доверить это какому-нибудь профану». Именно масонский орден потом активно поддержал его путем своих многочисленных связей и содействовал его блестящей карьере. Сам Гиппель как масон на протяжении нескольких десятилетий занимался преимущественно тем, что обеспечивал связи ложи «К трем коронам» с иностранными ложами и, вместе с тем, поддерживал знакомства с русскими «братьями» – масонами, тем более, что в странах Балтики и крупных российских городах существовали разнообразные масонские общества, которые, разумеется отчасти, были вовлечены в темные политические игры.

Связи, не знающие границ, поддерживались через кенигсбергских книготорговцев, а также печатников и издателей, из которых почти все принадлежали к ордену, что значительно упрощало дело. Оба известнейших предпринимателя кенигсбергской книготорговли, Хартунг и Кантер, были фактически

в руках масонов. Не случайно Болотов обнаружил у «лучшего переплетчика провинции целую банду масонов». Кантер, бывший вместе с Иоганном Готгельфом Линдером, одним из активнейших сторонников будущего введения тамплиерской системы «Точного наблюдения», исполнял обязанности библиотекаря ложи. Он давал напрокат, покупал, продавал, печатал и издавал масонские сочинения. Все его воспитанники вступили в движение, наряду с Иоганном Фридрихом Харт-Гинцем, который позднее стал известен как Иоганн Фридрих Харткнох, Иоганном Даниэлем Фридрихом, Абрахамом Якобом Пенцелем, А.В. Штайделем и Кристианом Штальбаумом. Кантер при посредничестве царицы Елизаветы получил привилегию по книготорговле и благодаря связям через масонские ложи с влиятельнейшими людьми России выход на восточные книжные рынки. Можно утверждать, что он таким способом начал проводить широкомасштабную торговую и культурную политику, которая по сегодняшний день еще не оценена по достоинству. В 1762 г. он находился в Митау, годом позднее отправился далее в Санкт-Петербург, чтобы в конце концов поддерживать масонские и коммерческие связи вплоть до Москвы. Харткнох, Штайдель и Гинц сменяли друг друга на посту книготорговцев в его филиале в Митау, Фридрих позднее сам занялся книготорговлей в Либаве, а Харткнох уже к концу десятилетия основал свой крупный магазин в Риге – городе книготорговцев. Его издательство стало в культурном отношении важнейшим посредническим центром между Россией и Германией, действие которого распространялось вплоть до Парижа и Швейцарии. Кантер, постоянно одержимый самыми смелыми идеями, мечтал даже об объединении кенигсбергской книготорговли и всех ему подчиняющихся филиалов с книготорговлей Берлина, из чего, правда, так ничего и не вышло. Само собой разумеется, что студент-юрист и масон-неофит Гиппель, которого Кантер целенаправленно использовал для осуществления своих проектов, загружая его все больше и больше работой по сотрудничеству в своих газетах и в то же время печатая его первые стихотворные пробы, все больше укреплялся в изначально русофильских убеждениях, несмотря на более позднее расхождение с Кантером.

Географическое, культурное и политическое положение в любом случае определило столице Восточно-Прусской провинции важнейшую функцию моста между Востоком и Западом через Курляндию и Лифляндию. Притом существовала вполне осознанная «опасность» русской экспансии, но в той же мере оставалась определенная тяга на Восток. Наконец, из Западной Германии Кенигсберг представлялся последней крупной станцией на долгом торговом и транзитном пути к просторам огромной Российской империи, а главная царская резиденция и столица Санкт-Петербург, которую русские государи со времен Петра Великого явно пытались приблизить к традициям европейской цивилизации, находилась буквально под носом. И все же Кенигсберг был почти так же далек от Москвы, как и от Антверпена или Венеции.

Несмотря на господство национальной идеи, установившейся в остальном королевстве со времен Фридриха II, в Восточной провинции, населенной мно-

гими небольшими народностями, сохранялась давняя традиция обоюдной терпимости в совместной жизни. Многие немцы имели семейные узы по всей России. Не стоит забывать и тот факт, что Кенигсберг во внутренней политике Берлина был постоянно пренебрегаем, что при начале Семилетней войны подтвердилось в военном отношении. Молодой Кант, предпринявший поездку в Берлин, воспринял это путешествие как более затруднительное, чем поездка в Митау или Ригу. Линдера, Гердера и Хаманна все время тянуло в контролируемые Россией Курляндию и Лифляндию, а пример Грота и Арендта был перенят многими другими восточными пруссами. Оба брата Линдера работали врачами в Курляндии, сам Кант дважды становился профессором в академии Петрина в Митау, а его брат в конце концов, осел там. Другие известные немцы также успешно прокладывали путь на Восток – вспомним Августа Людвиг Шлезера, Фридриха Максимилиана Клингера или Антона Фридриха Бюшинга и И.Г. Вильямова. Так как быть гувернером, управляющим, священником, торговцем, академиком или офицером при определенных обстоятельствах могло означать будущее, полное многообещающих перспектив. Условия для интеллектуалов подходили реже. Нам известны резкие высказывания Иоганна Тимотеуса Гермеса из его романа «Путешествие Софии из Мемеля в Саксонию», а также самого Канта, который до старости считал Россию отсталой и чуждой и сохранил эти странные предубеждения⁹. Однако позднее, с восшествием на престол немецкой принцессы Екатерины Цербстской, которую Гиппель просто боготворил, образованные и политически грамотные люди в Германии стали относиться к России с большим вниманием. В царствование Екатерины, можно сказать, началось настоящее вступление России в европейское сообщество. Целеустремления императрицы говорили об ее политическом гении. «Северная Семирамида» искренне старалась сделать из России современную европейскую страну.

Однако и она терпела неудачи в своем прагматизме, который все еще сдерживал ее ввиду чрезвычайных политических, общественных и психологических обстоятельств. Окончательный перенос столицы из Москвы в Петербург сыграл решающую роль в формировании выгодного европейского образа для России. Санкт-Петербург, становившийся все прекраснее и имевший выход к западным морям и торговым городам, поневоле действовал на предприимчивых восточных пруссов как позитивный вызов. Насколько сильно сознание правящих слоев России, где почти все свободно владели французским, «интеллектуальным языком мира того времени», было ориентировано на вхождение в образованную и культурно развитую Европу, на быструю европеизацию, подтверждает тот факт, что, собственно, почти никто из российских канцлеров всерьез не думал об аннексии оккупированной восточно-прусской провинции. Особое положение столицы провинции Кенигсберга, временно подчинявшегося непосредственно российской короне, с вытекающими отсюда привилегиями для населения лучшее тому доказательство. Даже неприязненно относившийся к Пруссии фаворит Бестужев видел во всем этом прежде всего

интернационально приемлемый обменный пункт для Курляндии, а именно – в расчете на осуществление будущего раздела Польши. В конце концов Екатерина, в чем бы ее ни обвиняли, оставалась, прежде всего, культурно образованной европейкой, немкой по национальности. И в первые два десятилетия своего правления она собиралась сделать для России очень много. Так, вначале она стремилась ввести систематическое образование не только для высших слоев населения, но и для простонародья, вполне учитывая все те проблемы, которые возникнут при этом для абсолютной монархии. Но проблема крепостного права, которую на практике не смогли одолеть ни Фридрих II, ни его преемники, заставила ее отступить. В 1764 г. императрица поручила тогдашнему президенту Академии искусств и директору дворянского Кадетского корпуса Бецкому (1704 – 1795) разработать проект реформы школьного образования в России, образцом для которого должна была послужить прусская модель. Ввиду огромных размеров империи и полного недостатка образования у низших слоев населения, планы Бецкого были частично осуществлены пока только для дворянской и буржуазной молодежи обоих полов. Это касалось трех типов школ: начальной школы, гимназии и университета. Особенно царица болела душой за начальное образование, в том числе за строительство школ в деревнях и городах, для чего, среди прочего, специально вызвала в страну педагога Теодора Янковича в 1782 г.¹⁰

Так как ей было известно о возможностях немецкой педагогики, то по всей империи, и прежде всего в больших городах, где работали немецкие учителя и священники и действовали немецкие школы, они пользовались щедрыми льготами, а в школах по возможности вводилось также обучение немецкому языку.

Следует признать, что внимание западного мира было приковано к России преимущественно из-за ее научных и гуманитарных достижений, и царица была озабочена созданием вполне в духе Просвещения экономических и научных обществ и академий, в которые привлекались иностранные, в том числе немецкие или немецкого происхождения ученые, которые посвящали себя разработке всевозможных тем и проектов. Здесь уместно вспомнить «Свободное экономическое общество» в Санкт-Петербурге или созданную по примеру Французской академии в 1783 г. Российскую академию. Широкую известность получили экспедиции в Сибирь 60 – 70-х годов (1768 – 1774), снаряженные Академией, в осуществлении которых принял руководящее участие Григорий Орлов. И как императрица, так и сами ученые в России были заинтересованы в том, чтобы разнообразные результаты их исследований были помещены в научные журналы и обнародованы. В Германии ученые также публиковали отчеты о поездках и экспедициях, так, например, вернувшийся в Геттинген Шлецер выступил со своими отзывами в «Геттингенских вестях» («Геттингишен Анцайген»), в «Ганноверском журнале» («Ганновершен магацин»), в «Всеобщей германской библиотеке» («Алльгемайне дойче библиотек»), Эйлер в Берлине в сотрудничестве с Гаудэ и Шпенером, издатели Брайткопф в Лейпциге, Харткнох в Риге, а также Бюшинг, Николаи и Бахмейстер. Между уче-

ными установилась оживленная переписка. Неоднократно появлялись «Письма о России». Правда, эти и другие реформенные устремления в России затрагивали только часть высших слоев общества.

Московский университет печатал свою продукцию на собственных заводах и продавал в своих магазинах, управлял которыми с 1762 по 1776 г. торговец и придворный маклер Кристиан Людвиг Верфер, а потом переплетчик Кристиан Рюдигер до тех пор, пока за это дело не взялся деятельный масон Николай Новиков, впавший в немилость в 1789 году. Харткнох был переведен из Риги в 1765 г. в Ревель, затем в Санкт-Петербург и Москву. Он и дальше продолжал поддерживать связь с Кантером, Гартунгом, а позднее с Николавиусом в Кенигсберге, экспортировал литературу из российских издательств в Германию. Его предприятие специализировалось также на издании трудов о России на немецком языке. Помимо научных исследований «Экономического Общества» Санкт-Петербурга, он публиковал также работы Ломоносова, Шлецера, Шторла, балтийских историков и филологов, таких как Гадебуш, Гупель и Янно, а также читаемую как в России, так и в Германии «Русскую библиотеку по изучению современного состояния литературы в России», составленную Г.Л. Кристианом Бакмейстером (Петербург, Рига и Лейпциг 1774 – 1787, в 11 томах).

Кантер регулярно представлял отчеты о своих изданиях, среди которых появившаяся в печати «Объяснительная библиография» (1782 – 1784), ее продолжение «Критические заметки, содержащие отзывы ученых о новейших книгах для продолжения объяснительной библиографии» (1790 – 1794) и изданные под редакцией Николавиуса «Заметки кенигсбергских ученых» (1790 – 1791). Итак, Гиппель получал информацию о России, открытой западному миру, из ближайших рук, можно сказать, до самой смерти. По окончании войны в 1763 г., с того времени, как была окончательно признана политика Пруссии, чтобы в будущем получившее удар королевство не могло больше вести войну на два фронта – с Западом и Востоком одновременно, точнее, с момента создания союза Россия – Пруссия в 1764 г., обеспечившего Пруссии состояние длительного мира и процветания, Восточная Европа стала энергично добиваться сближения с Россией. Возможно, Гиппель существенно превзошел Канта, Гердера и самого Гаманна в связи с тем, что он верил в возможность общения между людьми на уровне разума, прежде всего языка и культуры, которые откладывают свой отпечаток на все, и первый в Восточной Пруссии развил дар юмора в высоком стиле до совершенства, иными словами, способствовал самому себе и своим современникам последовательно спрашивать прежде всего с себя самого и поставил под сомнение привычку, наблюдая за другими, обнаруживать противоречия и вопросы о смысле жизни ставить также поэтически. Он, как никто другой, осознал силу романтической иронии и оказал влияние на своего земляка Э.Т.А. Гофмана, а также на Жан Поля.

Насколько активным всегда оставался интерес Гиппеля к России, доказывает его главный труд, изданный в 4 томах в период духовного зенита его жизни, «Жизненные пути по восходящей линии» (1778 – 1781). Наряду с этим также записанный в 1790 г. в его автобиографию военно-политический анализ двух великих держав – России и Пруссии. Оба документально ценных текста до сих пор были недостаточно внимательно изучены относительно вопроса о России.

Сравнительный анализ России и Пруссии содержит в себе итог спорного отношения Гиппеля к феномену *Россия*, которое преследовало его в течение всей жизни. Сразу угадывается, что эти строки написаны не столько для других, сколько для самого себя. И сегодня читатель поражается тому, как глубоко и прежде всего правильно этот чиновник из высших кругов Кенигсберга времен Фридриха II судил о «своей» России и с ясной способностью предчувствовать предупредил определенные исторические реалии будущего. Сын эпохи позднего Просвещения подтверждает тем самым на свой лад такие черты, как восприимчивость, терпимость и дальновидность, которые были присущи космополитичным целеустремлениям христианства и европейским гуманитарным направлениям того времени. Еще с юности он колебался между своей верностью и преданностью административно-техническому, юридически и военизированно строго организованному и воодушевленному верой в прогресс королевству Пруссия с его гением войны и просвещенным князем Фридрихом, и прямо-таки безмерным для прусского бюрократа восхищением и ожиданиями в отношении возможностей еще дремлющих в огромной Восточной империи. В связи с этим можно констатировать, что он, по-видимому, свои размышления ориентировал на европейскую часть России и, до некоторой степени, на обозримую западную часть земель, расположенных за Уралом, т. к. он явно не имел никаких сведений об относительных просторах страны и какое-либо знакомство казалось ему и без того непостижимым. Русская нация в его глазах была избрана, по его мнению, для того, чтобы порождать солдат. Этот народ, сравнимый с «сырым комом земли», казался ему изначально определенным для солдатской жизни. Этот народ как единое целое со своими войсками, собранными почти исключительно из своих собственных офицеров, составляет неисчерпаемую армию «как из одного куска», в которой каждый говорит на одном и том же языке и понимает его. Его человеческие способности кажутся безграничными. «Простота, присущая русским, превосходит все представления». Суровый климат, железная дисциплина, но также и глубокое чувство семейственности и простота живущей глубоко в семье и народности религии (молитва, песнопение общины, одяние), а также укоренившаяся в народе духовность обеспечивают коллективное чувство незыблемого единства. Духовенство считает своим высшим предназначением службу религии, народу и отечеству, а почти мистический дух почтительности и повиновения народных масс, которые видят в монархии представительство бога на земле, переходит в безгра-

ничную любовь к Родине. Войны являются для русского офицера богослужением, «тем видом религиозной войны или войны за Отечество, в которой он принимает участие не как наемник, а как гражданин. Поэтому русская армия не знает, что такое капитуляция». Итак, сила этой нации, по мнению Гиппеля, произрастает из ее неподдельной простоты и естественного чувства сплоченности. В этом смысле можно считать счастьем для русской армии то, что она находится «в состоянии постоянной весны из года в год, в полном соку, в состоянии отважной непознанности действительного риска для жизни». Поэтому Гиппелю непонятно, почему Екатерина Великая, ввиду врожденной склонности русских к подражанию, преследовала в российских учебных заведениях те воспитательные методы, которые не соответствовали русскому характеру, а также могли бы на длительное время подвергнуть внутреннюю сущность этого народа опасности разложения и скрыть проблему тождественности. Совершенно верно он угадывает в этом историческую дилемму тех правителей, которые, хотя и чувствовали свою ответственность за государство и нацию, открывая им современную западную цивилизацию, тем не менее именно этим, возможно, запутывались в фатальных противоречиях. Причину этого он видит, с одной стороны, в том обстоятельстве, что сама высокообразованная императрица ориентировала цели своих преобразований в первую очередь на высшие, а значит, и без того грамотные слои населения, таким образом, едва принимая во внимание весь остальной народ, с другой же стороны, за ее устремления стоят чересчур просвещенные советчики из заграничного окружения ее трона, которые, как, например, Дидро, «считают, что у русских нет ни чести, ни достоинства», не имеют никакого понятия о действительной сущности русского народа и «судят обо всей нации только по тем русским, которые стали крупными персонами», в большей или меньшей степени упуская из виду широкие слои населения. И так же верно он упрекает реформаторов в некотором ослеплении, т. к. они идут вперед и поступают опрометчиво, пытаясь достигнуть всего за короткое время с того момента как Россия пробудилась ото сна, чтобы как при коротком лете, когда плоды созревают слишком быстро, и в конце концов может получиться исключительно «ex omnibus aliquid».

Благополучие государства нельзя измерять только по степени его материального благосостояния в настоящий момент, а симптомы его болезней и недостатков нужно длительно исследовать и проверять. С другой стороны, он видит для настроенной на реформы России шанс в том, что гражданское сословие в Российской монархии «имеет большое влияние, и вопреки обычаям деспотических, или, так сказать, [других] монархических государств идет в ногу с военными», что давало бы возможность «определенной формы образа мыслей, некой разносторонности», которая дает перспективу сделать из этой «субстанции» истинную «всемогущую монархию». Во всяком случае, Гиппель убежден, что для такой нации, как Россия, нужно было бы ожидать настоя-

щего «Просвещения снизу вверх, а не сверху вниз». О непосредственном осуществлении этого вывода на практике он, правда, умалчивает.

Перед лицом этого огромного государства, которое задает так много загадок и «у северо-восточной границы которого заканчивается Старый Свет, а большая часть занимает северную зону нашего земного шара», «патриотической преданностью Гиппеля Пруссии» овладевает чувство вполне понятной тревоги. Он видит прусскую армию, вплотную прижатую к этим границам, в постоянной обороне. Русская армия, победив в Семилетней войне, получила не только власть над его Родиной, обращаясь вполне по-человечески с побежденными, страной и людьми, и вообще, кажется, «рожденная для победы или смерти», она оставалась превосходящей ввиду своего огромного человеческого потенциала и своей естественной мотивации. Прусская армия, смешанная, собранная «из всех языков и народностей»¹¹, напротив, производит впечатление марионетки, которой командуют «мастера художественного слова» из всех господствующих стран и в которой собраны в кучу солдаты и наемники, которые вследствие различного менталитета, обычаев и интересов вносят в обстановку внутри армии фактор ненадежности, т. к. это делает невозможным соблюдение дисциплины и единой линии поведения.

Одновременно встает вопрос и о легендарной прусской муштре. В прусской армии слишком большое значение придавали таким внешним проявлениям, как униформа, «парадные марши», а также дорогостоящим расквартированию и лечению, в то время как для русских, в основном, важны были «полевой лагерь и овладение штурмом и приемами боя»: «<...> и я убеждаюсь, чем дальше, тем больше, что истинных, достойных уважения солдат скорее испортит преувеличенная педантичность в повседневной службе, чем повышение в должности». Также поддерживалось внутри правящих слоев прусской государственной структуры вредное общественное озлобление, неограниченное предпочтение военной службы вопреки обстановке в Российской монархии, которое делает «гражданское сословие постоянным яблоком раздора и источником разжигания зависти при удобном случае». Итак, блеск прусской армии весьма основательно померк под пером этого прусса. И все же в молодые годы в груди писателя победила, наконец, прусская душа над русской, может быть и потому, что он, вращавшийся как в высших военных кругах Пруссии, так и в русских, все же больше доверял преимуществу западной «священной государственности», которое, как ему казалось, подтверждалось и историей Римской Империи и такой же историей с Китаем и Александром Великим, и которое нынешнее расширение российской государственной структуры расценивало как нечто бессмысленное. Другими словами: он считал, что эта огромная страна падет под тяжестью своей величины. «Она, несомненно, не первая, которая стала меньше из-за своей величины. Когда я сравниваю Россию и Пруссию, мне на ум всегда приходят Голиаф и маленький Давид»¹². Остался ли он при своем убеждении до старости, он определенно не объясняет; тем не менее, пристрастный тон, с которым он возвращается к этому вопросу в 1790 г., вполне вероятно, это подтверждает.

В заверениях о том, что политический гений Екатерины не подвергается опасности когда-либо впасть в александровский лунатизм, содержится нечто прямо-таки волнующее и заклинающее. Наверное, он обдумывал, что могло бы произойти в один прекрасный день, если бы царский скипетр не переняла бы властительная фигура формата Екатерины!

На явных цивилизованных достижениях обеих великих держав в вопросах управления, юстиции, науки, образования и культуры он не останавливается подробнее, считая, что нельзя на нескольких страницах осветить все эти темы в полной мере. Что же касается России, то он мог убедиться во время своего путешествия в Санкт-Петербург в высоком культурном уровне русской аристократии и буржуазии, несмотря на их тягу к выпивке и ловкачеству по отношению к подчиненным, и принципиально оказывал полнейшее доверие местным академиям, в которых у него была перспектива получить такое хорошее образование, какое он в то время не смог бы получить в Пруссии.

С другой стороны, оглядываясь назад, можно сказать, что он, несмотря ни на что, оставался патриотом Прусского государства, хоть и отдавая предпочтение России в этом вопросе. Будучи высокопоставленным чиновником, он знает и сильные и слабые стороны прусских администраций отныне достаточно хорошо и временами не отказывает себе в краткой, но откровенной критике по отношению к своему уважаемому королю. Существенной для современников позднего Просвещения всегда остается мысль, что государственная структура существует исключительно для повышения общего благосостояния, причем среди всех германских государств прусское кажется ему наиболее подходящим: «<...> посредством своей политики я добиваюсь только распространения гуманности на земле и сочувствия к людям. Я считаю, что Прусское государство единственное, которое в состоянии противостоять деспотизму в Германии и всеобщей немецкой монархии, исходя из прав человека и законов истинного Просвещения; это придает мне патриотический настрой, и этот патриотизм делает меня политически сознательным, так что для меня быть человеком и быть патриотом Пруссии одно и то же». Этот философствующий восточный прусс, занимавший пост бургомистра в Кенигсберге, пожалуй, уже тогда, в 1790 году, правильно понимал те опасности, которые подстерегали слишком большую, единоуправляемую Германию, что впоследствии подтвердила история, и он также признавал – для того чтобы создать государственный аппарат с действительно гуманным образом жизни, нужно еще сделать очень многое.

Также как и многие его современники, Гиппель осмелился и не мог удержаться от умозрительного сравнения двух правителей – Фридриха и Екатерины, – неоспоримо важнейших исторических фигур своего столетия. В этом смысле он окончательно приходит к выводу, что, особенно в начале своего правления, царица, оспариваемая в Европе, в которой он видит заслуженную мать ее огромной империи, прощая все ее личные пороки, где умалчивая о них, а где оправдывая¹³, никоим образом не уступала его великому королю.

В «Биографиях» герой романа Александр, также проводящий подобное сравнение, восторженно восклицает: «Какая бы из этой монархии и короля Пруссии получилась пара: Свет! Как ты думаешь?» И, кажется, отголосок этого можно услышать в застольных беседах современников, когда в связи с этим добавляют пространно сформулированный вопрос: «Что лучше, когда государи философствуют, а философы правят или когда правители просто выполняют то, чему учат их мудрецы?» Но и на этот раз он не дает точных ответов.

Но то, что рационалист и политик не сможет высказать откровенно, то сможет сделать поэт, используя эстетическое одеяние. В 1780 году в «Биографиях», поэтическом художественном творении его обширной писательской деятельности, Гиппель подтвердил свою глубоко прочувствованную любовь к России посредством великолепной художественной формы повествования.

Александр, герой романа, не прусс, а курляндец, в общем, подданный так сильно ненавидимого Гиппелем маленького «свободного государства» между Польшей и Россией. Таким образом, он, основательно изучив как королевство Прусское, так и Российскую империю, может рассуждать относительно объективно. О короле Пруссии он услышал еще в ранней юности, и нет у него желания заветней, чем увидеть своими собственными глазами философа на троне, который смог показать всему миру «монархию в <...> выгодном свете»¹⁴. Когда эта мечта в действительности исполняется, он не только подхватывает обычные хвалебные гимны того времени, но его восторг перед посланником провидения всемирной истории растет, несмотря на зорко подмеченные у него недостатки, до безграничности – настоящая Песнь песней любви!

Стремительная карьера скромного Бенджамина, ставшего прусским солдатом, также подтверждает мудрость и великодушие монарха, и в то же время вскрывает существенные недостатки прусской армии, такие как многочисленные увольнения офицеров по окончании войны. Однако страшная трагедия Минхен наглядно показывает прежде всего то, что даже в просвещенном правовом государстве со свойствами прототипа могут случаться ужаснейшие вещи. Пруссия еще слишком далека от того, чтобы стать идеальным государством! Даже самое лучшее правительство не сможет безукоризненно функционировать, если звенья этой цепи от высших и до низших работают неправильно. Всегда и везде встречаются злые люди, которых не сможет достать и самая справедливая рука лучшего из королей.

Добросовестный подчиненный Фридриха должен бы это знать!

Для курляндца Александра Россия, в большей степени чем Пруссия, ближайший сосед. Он также понимает и всю значительность этого могущественного соседства: «Русские в Риге могут обозревать курляндцев из окон!» Однако это понимание не пробуждает в нем никаких опасений или сентиментальных чувств, а также его окружение не впитало в себя ничего подобного, он «не смог бы отказать русским в хорошем свидетельстве. Он

мерился с ними силами, а его отец, который во время третьей силезской войны в Пруссии связался с русскими, присягнув на верность, пользовался всей любовью и добротой этих славных врагов!» Затем из Лифляндии некоторые русские обычаи пришли и в Курляндию. И в любом случае общественные и социальные отношения в России, по мнению Александра, нельзя даже и сравнивать с абсолютно нечеловеческим положением, которое царит в Курляндии.

Подверженный политическому и культурному влиянию обеих великих держав, курляндец поэтому долго ищет наиболее подходящее учебное заведение и рабочее место; и в конце концов решается уехать в Россию! Вопрос о том, может ли подобный выбор в пользу вражеской державы расцениваться как измена Родине, мелькнул у него только единожды и очень быстро был разрешен. В менталитете людей того времени подобные вопросы в большинстве случаев не выдвигались на передний план. Не только образ Екатерины кажется ему гарантией счастливого будущего, но и сама русская армия, которой он, несмотря на все свое восхищение Фридрихом, отдает предпочтение перед прусской¹⁵. Александр прошел подготовку и стал русским офицером и принимает участие в русско-турецкой войне.

Он служит под командованием Прозоровского, принимает участие в осаде под Хотимом, представлен к званию капитана Галицыным, воюет под командованием Романцова, участвует в штурме Эльмт-Ясси и зачисляется в элитный корпус Панина, и, в конце концов, при этом не прославляя подобные войны и не одобряя эксцессов в собственных рядах, чувствует себя русским¹⁶. Белград, Ибраилоф, Бухарест делают раненого героем войны. Императрица жалует его своим вниманием, производит в дворяне со всеми привилегиями и одаривает именем. По этому поводу и выражает Александр упомянутое мнение: «Какая бы из этой монархини и короля Пруссии получилась пара: Свет! Как ты думаешь?»

Эта биография невольно отображает ту успешную карьеру, на которую надеялся юный Гиппель и с которой он еще до создания своего романа, несмотря на то что успешно вззошел на пост обербургомистра Кенигсберга, распрощался с великим сожалением. Читатель не сомневается в том, что автор романа, также как и Александр, чувствовал бы себя замечательно в русской армии: дух товарищества, дисциплина, мужество в борьбе, возможности восхождения по военной лестнице, понимание и щедрость властей казались ему там более гарантированными, чем дома. И не кажется ли эта мечта Александра зеркальным отображением той круто взлетевшей вверх карьеры, которую сделал земляк Гиппеля Арндт в Петербурге, служа императрице, и которая закончится также великолепно, как у героя романа? Истинно пророческий взгляд писателя, лично задетого за живое!

На протяжении IV тома «Биографии» образ царицы явно вытесняет прусского короля из поля зрения рассказчика, а к концу книги речь и вообще уже идет только о ней! Хотя она с удовольствием удержала бы Алек-

сандра в России, в конце концов она увольняет его со службы по его желанию со всеми почестями; осыпав всевозможными подарками и доверив ему тайные политические поручения, она отпускает его на родину не без задней мысли сохранить его как можно ближе к своему трону. Свое дворянское поместье он получает в Лифляндии!

Именно этот красивый жест подействовал убеждению Александра в его любви к России, которая наложила отпечаток на всю его оставшуюся жизнь. На место Минны, так позорно погибшей по вине Курляндии и Пруссии, приходит Тина, которая разделяет его любовь к России. На их венчании она одевает «его униформу», то есть она одета по-русски, т. к. он ее этому научил, и эта одежда ей очень идет. Он сам предстает перед высокомерным курляндским тестем фон В. в русской униформе майора, а на свадебном столе присутствует также русское национальное блюдо. И это еще не все: когда единственный ребенок супружеской пары, маленький Леопольд, трагически погибает, его отец «предает его земле», т. е. он его погребает так, как это принято в Лифляндии, не на прусский манер. И в Лифляндии, между Пруссией и Россией, но географически ближе к России, Александр вместе со своей второй женой оканчивает свой земной путь. Российская власть, цивилизация и культура в этом смысле равноценны для автора прусским. Он не разделяет никоим образом те оговорки, которые в этот период времени частенько высказывались в Центральной и Западной Европе по отношению к якобы отстающему государству-гиганту. В своем длинном эпическом сочинении он попытался сделать Россию ближе для своих немецких читателей и таким образом подготовить их к вступлению в будущее. Дитя Просвещения вписал особенную главу в историю германской и европейской гуманитарной мысли отзвучавшего XVIII столетия.

Гиппель почитал Россию и ее государыню до самого конца. Все время, пока он был руководящим бургомистром Кенигсберга, его город оставался открытым для посетителей из восточных краев. Город притягивал торговцев, ученых и путешественников со всего света – не в последнюю очередь из-за выдающейся фигуры Иммануила Канта. Зимой 1792/93 г. в Кенигсберг на несколько месяцев приезжал старый друг Гиппеля Кристиан Готтлиб Арндт, получивший орден св. Владимира и дворянский титул, после чего возобновилась прежняя их переписка в доверительной форме. В конце концов писатель за четыре года до смерти попытался лично сблизиться с государыней в Санкт-Петербурге, в связи с чем он, т. к. Арндт уже больше не служил при дворе, внезапно снова начал искать контакт с другим приятелем молодости в Петербурге по имени Грот. По этому поводу он в последний раз повторяет свою пожизненную игру-маскировку собственного авторства – в несколько непривычном варианте. В письме Гроту от 21 марта 1792 г. он притворяется «одним писателем», который хотел бы с сопроводительным письмом вручить императрице экземпляр четвертого издания одной из его книг с посвящением, «где во многих местах отдается дань уважения этой великой самодержице», и он

хотел бы знать, каким способом он мог бы достойно осуществить свое намерение. «Почтенному господину», который «не рассчитывает на денежное вознаграждение», «необходимо получить ответ как можно скорее», который он, Гиппель, охотно «отправит по адресу»! Естественно, речь шла о последнем, неоднократно дополненном издании его книги «О браке». Прямой ответ Грота на прошение неизвестен. Остается фактом, что честолюбивый и хитроумный автор в конечной редакции своей ставшей известной книги о браке, наряду с всеобщей оценкой женщины, восхваляет целый ряд исторических личностей женского пола с сильным характером, среди которых и российская императрица. Здесь его почтение касается, преимущественно, этой сильной женщины, в меньшей степени ее империи, хотя в мыслях Гиппеля одно неотделимо от другого¹⁷. И его высказывания относительно этого ограничиваются общими поверхностными определениями и утверждениями, которые опять-таки едва ли имеют конкретное отношение к народу.

Все это не мешает рассматривать сочинение Гиппеля в однозначно позитивном свете. Несмотря на то что большую часть своих рукописей он издал анонимно, он все же был влиятельным служащим короля Пруссии, чье мышление обычно оставалось заключенным в другие рамки. Кроме того, он не был ни путешественником-исследователем, ни ученым, а значит, у него, в отличие от тех немцев, которые поддерживали прямые научные, коммерческие или другие связи с Россией, не было определенного личного интереса к империи, связанного с какой-либо выгодой. Реакция Гиппеля была исключительно реакцией жителя Балтики и гуманиста эпохи Просвещения, юридически, политически, философски и литературно высокоразвитого индивидуума, к тому же настоящего европейца и космополита, который попытался проникательно заглянуть в будущее XIX века. В то время он, без сомнения, был одним из немногих пруссов, которые не только признали реальность политического и культурного распространения феномена *Россия*, но и возлагали на это обоснованные надежды. Сам являясь многосторонне образованной личностью с твердым характером, он вообще восхищался деятельными, высокообразованными историческими фигурами и делал ставку на них, когда речь заходила о каких-либо реальных шансах для осуществления его искренних мечтаний и стремлений к созданию лучшего мироустройства на Земле. Он имел мужество рискнуть открыто провести обширное критическое сравнение России с Пруссией и неоднократно возвращался к этому. С этой точки зрения его рассуждения, сформулированные в почтительной манере, заслуживают должного внимания. Его культурные и политические ожидания по этой теме до сих пор не утратили своей актуальности.

В старинном здании Калининградского государственного университета, бывшего университета Альбертина, в Кенигсберге, как и в прежние времена, висит среди аркад его портрет¹⁸.

---

¹ Гиппель: SW XII, S. 113: «<...> и часто говорят так несправедливо о русских, как те из наших молодых офицеров, которые в начале войны отзывались о русских с почти невероятным презрением и обещали своим красоткам соболей, которые посыплются на них трофеями, как дождь из ведра, и те, которые, не краснея, утверждали, что русские привыкли стрелять ногами из винтовок. Да если бы русские, подумал я, совершали подобные действия ногами, то что бы осталось от мира, если бы они начали действовать головой! Насколько я имел возможность ознакомиться с некоторой частью русской армии, я все больше и больше убеждался, что русские могли бы доставить нам немало хлопот <...>». – См.: Hippel T.Y. *Sämmtliche Werke*. Georg Reimer. Berlin, 1828 ff. Далее ссылки даются на это издание.

² Гиппель в то время был еще никому не известным студентом Альбертины и не был вхож в эти круги общества. А позднее, уже будучи всеми уважаемым бургомистром, стал постоянным почетным гостем в салонах графини Амалии.

³ Еще первый муж графини фон Кейзерлинг временно состоял на службе у русских. Второй же ее супруг, рейхсграф Генрих Христиан, после десятилетней службы в качестве императорского наместника в Вене, по желанию Екатерины II и своего отца, к которому он сначала был прикомандирован в посольстве в Варшаве, в 1762 г. стал действительным тайным статским советником в России. После смерти своего отца в 1764 г. он оставил государственную службу в России.

⁴ В своей автобиографии Гиппель посвятил этому путешествию целых 100 страниц! Ср.: Гиппель. SW XII, S. 113 – 201.

⁵Ebd., S. 146. «В моей квартире меня посетила мысль не новая, но сразу принятая близко к сердцу, что я мог бы посвятить свою жизнь военной службе на море, и именно эта внезапность, возможно, больше всего приостановила поспешно принятое решение. Я уверился, что это не имело бы ничего общего с моей учебой, и только лишь моя непреодолимая страсть к науке победила все мои сомнения, которые гнали меня отсюда, и сыграла свою роль, чтобы меня там удержать. Что может получиться из тебя в Пруссии? И прежде чем ты станешь маленьким лучиком, сколько пустынь ты должен будешь пересечь, сколько дорог исколесить? Удача сейчас не на твоей стороне, а учиться можно везде; твои родители уже немолоды и примирятся с твоим выбором, если это тебе также должно показаться только сносным, но не приятным. Ты познакомился здесь с семьей, которая тебя любит и к которой ты относишься с уважением. Кто может поручиться, что Пруссия когда-нибудь перестанет быть русской? И как долго вообще длится жизнь? <...>».

⁶ Вначале русские хотели достать патент для создания новой ложи у петербургской ложи.

⁷ Рихард Фишер приводит в своей «Истории ложи Иоганна “К трем коронам”» почти полный список участников с 1758 по 1910 г. – Ebd., S. 480 – 535.

⁸ Сегодня можно говорить о том, что космополитизм масонского ордена определенным образом повлиял на будущую политическую судьбу Восточной Пруссии. В самом деле, Петр III вскоре после своего вступления на престол в честь заключения мира в Петербурге 5 мая из уважения к гению Фридриха II распорядился о безоговорочной передаче оккупированной восточно-прусской территории, что, вероятно, ускорило его свержение. Его преемница Екатерина сначала посчитала это решение недействительным и оставила русские войска в Восточ-

ной Пруссии вместе с новым губернатором, тем не менее, пошла на уступки по причинам, которые до сих пор не совсем ясны.

⁹ Иммануил Кант: «Так как Россия еще не относится к тем определенным понятиям естественного устройства, которые широко развиты, требуется <...>».

¹⁰ Екатерина была настолько воодушевлена идеями и компетенцией Янковича, что сообщила Йозефу II, который его рекомендовал, и Гримму, что он «знаток своего дела, а его православная вера и русский язык так же хороши, как и у нее, а может быть даже лучше». – Ebd., S. 127.

¹¹ «... Так что тот, кто хотя бы один раз поприсутствовал при разговоре какой-нибудь прусской компании, мог бы предположить, что это была бы школа 12 апостолов и их сточная канава языков. В каждом полку говорят на французском, английском, польском и всевозможных диалектах немецкого, так что из-за различия отечеств естественно возникает различие нравов и образа мыслей». – Ebd., S. 114.

¹² «Даже то государство, из которого происходит Просвещение, должно быть среднемасштабным. Возьмем, к примеру, Пруссию и попросим Господа, чтобы она не стала ни больше, ни меньше». – Ebd., S. 119.

¹³ «Великая, и я со всей правотой добавлю, добрая женщина! уже не единожды, а в “Биографиях” особенно, я воздвиг тебе памятник, однако в глубине души моей есть то, что значит больше, чем простые слова! Нет твоей непосредственной вины в смерти твоего супруга, определенно нет, и если бы речь шла только о твоих гуманных, материнских, благородных убеждениях, как счастлива была бы твоя империя и как счастлив мир!». – Ebd., S. 135.

¹⁴ «В Курляндии, скажу я тебе, рабство, а свобода дома. Каждая дворянская усадьба – трон, каждая башня – Сибирь, каждая палка – скипетр. Дворянин – деспот и тиран, его население, вплоть до пастора и управляющего – рабы!». – Ebd.

¹⁵ «Служба в Пруссии казалась мне настолько заманчивой, что я очень долго боролся с мыслями о том, где я встречу смерть, желанную смерть [после трагической кончины Минхен]». И: «Солдат! но где? Собственно говоря, солдат должен служить своей Родине. Все же Курляндия не является моей отчиной и не содержит войска, а это значит, что мне открыт весь мир». – Ebd., S. 217.

¹⁶ Разумеется, нужно сказать о том, что злоупотребления в своей среде ставили его в неловкое положение, и он пытается как можно быстрее обойти упоминание о подобных бесславных происшествиях: «... Как только заходит речь о турках, я отворачиваю свои глаза от мародерства <...>. Какое падение! Мародерство! Три сцены этого мародерства терзают мою душу. У меня становится тяжело на сердце при воспоминании о них. Они не должны осквернять мой жизненный путь». Протестуя, он остается нерешительным, покорившимся судьбе. С другой стороны, было отмечено, что Романцов принимал участие в роковой для Фридриха битве при Кунерсдорфе (1759) и взял в плен Кольберга! – Ebd., S. 240.

¹⁷ «Императрица Екатерина II (охотнее эту истинную самодержицу я бы назвал “император Екатерина”, если бы она сама в действительности и по природе своей не была так мила) позаботилась о своем народе при помощи принятия мудрого законодательства, освободив его от какой-либо недостойной опеки, под которой он изнемогает еще почти повсеместно. Поистине, она показывает, кем может стать женщина, и, несомненно, то, что она не хотела бы прослыть божеством за счет человечества, настолько независимо возвышенна ее душа. Вот стоит она, первая в своем роде; перенимает факел у Прометея, чтобы разжечь огонь жизни в колоссе,

созданном Петром Великим; втоптывает в землю варварство и суеверность; призывает закон и справедливость с неба, чтобы обоих посадить на трон возле себя и, как гений, сказать: “будь!”; и “да будет!” – у Нее есть сила и мудрость создать для народа, императрицей которого она является в особом смысле, такие законы, которых он был лишен до сегодняшнего дня – <...>».Ebd., S. 54.

¹⁸ Мемориальная доска в его честь возле портретов Симона Даха, Иоганна Георга Гаманна и Э.Т.А. Гофмана открыта 21 сентября 1995 года.

Перевод с немецкого Е. Орел